

С просторной террасы моего номера в отеле «Сан Марко» я каждый день вижу гору Эпомео. Днем — ничего особенного, поросший лесом давно потухший вулкан. Остров Искья вулканического происхождения, кое-где сохранились гигантские камни зеленого туфа, выброшенные из жерла несколько веков назад. Гора невысока, всего 789 метров и напоминает одну из вершин Маркотхского хребта в Геленджике. Загадочная жизнь горы начинается в сумерках, когда в сгущающейся тьме вспыхивают огни, ярусами, уходящими к вершине кратера, а в правой ее части оживает желто-белый глаз маяка и луч прожектора скользит по морю и прибрежной полосе.

Существует древний миф: гигант Тифей, придавленный в море скалой, брошенной Зевсом, в ярости изрыгает огонь, подогревающий термальные источники. На острове несколько термальных парков: «Негомбо», «Кастильоне», «Сады Эден», «Сады Аполлона и Афродиты» и самый большой — «Сады Посейдона». В том месте, где перекрещиваются разноцветные огни «Садов Посейдона», глубокой ночью возникает голубое сияние, простреливае-

мое всплесками прожектора. Оно то гаснет, постепенно замирая, то вспыхивает вновь, окрашивая все вокруг в густо-синий цвет. В такие минуты я всегда испытываю беспокойство, и хочется поскорее опустить на окна жалюзи.

Мой приятель, уфолог, узнав, что я еду на Искью, оживился:

— Ты хоть знаешь что-нибудь об этом острове, его паранормальной, эзотерической составляющей?

— Историю — да, знаю, конечно. Насчет эзотерики...

— С исторической точки зрения Капри интересней. Но на Капри нет горы Эпомео, гора и делает остров уникальным. Таких мест в мире пять-шесть. Я собрал материал, готовлю статью.

— И в чем особенность горы?

— Ученые считают, что в районе горы Эпомео истончается граница между миром нынешним и параллельным, миром живых и мертвых. Именно там проходит «петля времени», когда люди перемещаются в прошлое. Причина: аномально образующиеся окна в параллельный мир...

— Ничего не понимаю. Может, приведешь пример?

— Изволь. Случай с туристом из Германии Куртом Рейнером. В августе тысяча девятьсот девяносто седьмого года к входу в термальный парк «Сады Посейдона» неподалеку от горы Эпомео подошел турист в грязной, изорванной одежде и сказал охраннику, что сорвался на мотоцикле под откос и теперь плохо понимает, где он находится. Его отправили в больницу. На следующий день он назвал свое имя и отель, где остановился. Но в списках гостей отеля Курт Рейнер не значился. Подключилась полиция, и выяснилось, что в тысяча девятьсот восемьдесят первом году в этом отеле в самом деле останавливался турист Рейнер, но он исчез. Поиски ничего не дали, решили, что он утонул. Шестнадцать лет считался погибшим, где находился — неизвестно. Рассказывал странные вещи, что якобы попал в римское поселение и служил в охране императора Тиберия на Капри. Рейнера отправили в Германию и поместили в психиатрическую клинику. После лечения он окончательно пришел в себя, но так и не мог вспомнить, где находился все эти шестнадцать лет.

Приятель внимательно посмотрел на меня:

— Ты полагаешь, что я сумасшедший? А факты? У меня есть и собственные наблюдения по этой теме. Мне удалось встретиться с людьми, побывавшими в параллельном мире. После реабилитации они рассказывают разное, картины путаные, размытые, но все без исключения утверждают, что при путешествии во времени они превращались в других людей, людей той эпохи, куда их отбросили альтернативные потоки времени...

2

На остров Искья я попал в субботу. Пока автобус торчал в порту Неаполя, ожидая посадки на паром, изрядно хлебнул коньяку из бутылки, купленной в аэропорту в магазине «Дьюти фри», поэтому сразу после ужина принял душ и завалился спать.

Утром, позавтракав, отправился пешком в город Форио. Полтора километра, о которых говорилось в рекламном буклете, превратились в три, я плелся вдоль раскаленной набережной, поток автомобилей на шоссе воздух не ароматизировал, и всюду были видны следы запустения — курортный сезон близился к концу. Море было настолько голубым, что ка-

залось намалеванным на холсте. От каменной набережной веяло печным теплом.

А вот городок Форио мне понравился: небольшой, уютный, даже архитектурная эклектика его не портила. Торжествовал все же неаполитанский стиль: дома, сложенные из белого и серого камня, милые кафе, магазинчики, бутики, лавки с сувенирами, горы фруктов на прилавках. И все это ярко, красочно. Думаю, впечатление усилили два бокала пива, выпитых в прохладном баре. Прогуливаясь по центральной улице, я свернул в переулочек и оказался на «блошином рынке». Он был меньше, чем наш, московский, что на Зубовский площади, но вещицы попадались удивительные. Меня заинтересовал изящный альбом с фотографиями начала двадцатого столетия. Причал на Капри, маленькие пароходики, рыбацкие лодки, дамы в длинных платьях, господа в цилиндрах, площадь с экипажами, ослики. Нашел я там и фотографию отеля «Квисисана» бунинской поры. Сад, белый дом с широкими окнами. Судя по одному из писем Бунина, окна на верхнем этаже принадлежали трехкомнатному номеру, где жили Иван Алексеевич, Вера Николаевна и двоюродный племянник Бунина — Николай Алексеевич Пушечников. Отдельно фотография не продавалась, а целый альбом был мне не по карману.

Я люблю «блошинные рынки», бывал на них в Париже, Амстердаме, Дельфте. Старинные вещи отражали ушедшую эпоху в ее реальном облике, люди с фотографий как бы говорили: «А ведь мы тоже жили». Остановку автобуса я так и не нашел, в отель вернулся на такси и поспел на встречу с нашим русскоязычным гидом — красивой итальянкой, превосходно говорившей по-русски. Как потом выяснилось, мать у нее русская.

Я не люблю экскурсий: толкотня, погоня за гидом, когда ты, запыхавшись, поспеваешь только к концу рассказа и испытываешь жутковатое ощущение, что в этом марафоне отстанешь от своей группы. В результате ничего толком не увидишь, и потом, дома, с изумлением разглядываешь на компьютере фотографии. Неужели я здесь был? На обзорную экскурсию поехать придется, нужно хоть как-то ориентироваться на острове. Основная экскурсия, конечно же, на Капри. Там я собираюсь побывать минимум два раза. Меня интересует отель «Квисисана», где Иван Алексеевич Бунин провел три зимы. И еще, если повезет с погодой, хорошо бы попасть в Голубой грот, о котором нобелевский лауреат писал:

И вдруг темнел,
Переполюнясь бурным,
Гремящим шумом звучный грот,
И вспыхивал таким лазурным
Огнем его скалистый свод,
Что с криком ужаса и смехом
Кидался в сумрак дальних вод,
Будя орган пещер
Тысячекратным эхом,
Наяд пугливый хоровод...

Обзорная экскурсия, как я и предполагал, мне мало что дала. С высоты сиденья туристического автобуса все выглядело чересчур красивым: зелень, бухты и бухточки, голубое небо, белые виллы и отели со стенами, увитыми бугенвиллеей, в портах роскошные яхты. Да, действительно, бирюзовый остров, чудо природы в Неаполитанском заливе, все, как на рекламных глянцевых журналах. И как-то забываешь о зарослях пампасной

травы вдоль шоссе, забытых всякой дрянью — пластиковыми бутылками, обертками от мороженого, гниющими фруктами, забываешь о заброшенном городском пляже неподалеку от «Садов Посейдона». К тому же я сидел на заднем сиденье, и мне было плохо слышно, что говорила гид.

То же случилось и на Капри. Я спустился в салон катера, сел в мягкое кресло и мгновенно уснул, пропустив вид острова с моря. Проснулся, когда туристы устремились к выходу. Я взял кофр с фотокамерой и едва поспел на автобус. Гид Таня, нужно отдать ей должное, прекрасно владела темой, но я опять попал в самый конец автобуса и до меня долетали лишь обрывки фраз. Сначала ехали в горы, во второй по величине на острове город Анакапри. В памяти остались серые, в зелени, скалы, сады, виллы. Гид настойчиво пригласила прокатиться на канатной дороге. Я боюсь высоты, да и не по возрасту мне этот экстрим. Затем осмотр города Капри в бешеном темпе. А когда тебе за семьдесят, трудно догнать молодую, быстроногую женщину — нашего милого гида. Один раз я все-таки ее догнал и, задыхаясь от одышки, спросил, где останавливался Бунин на Капри. Таня с изумлением посмотрела на меня: «За три года, что я здесь работаю, вы первый, кто заинтересовался Иваном Алексеевичем Буниным. У меня же целая программа по Бунину, но никто не интересуется. Ленин, Луначарский, Горький, Богданов — да. ОТЕЛЬ «Квисисана» прямо перед вами. Иван Алексеевич провел в нем три зимы с тысяча девятьсот одиннадцатого года по четырнадцатый. Нынче «Квисисана» — самый дорогой отель на Капри».

Я с разочарованием смотрел на пышную громаду отеля, выкрашенного к тому же в кремовый цвет; не отель, а рождественский торт, разукрашенный флагами Евросоюза. Российский флаг, понятно, отсутствовал, отсутствовала и душа у этого сооружения для богатых торговцев, попугаев и политических краснобаев. В перестроенном отеле можно сверкать бриллиантами, шелестеть платьями от модных кутюрье, но там не напишешь повесть «Суходол» и рассказы «Веселый двор», «Хорошая жизнь», «Сверчок». Я вспомнил старинную фотографию, что видел на «блошином рынке» в Форио, и у меня стало портиться настроение.

Гонки между тем продолжались. Справа мелькнул зеленый ухоженный парк, где некогда стояла памятьник Ленину — дар каприйцев. Памятник сдернули с пьедестала какие-то хулиганы, скорее всего ошалевшие украинские националисты. У них по этой части большой опыт. От ярких красок рябило в глазах, где-то на серой стене возник и погас сложенный из керамических плиток портрет Горького. Пролетарский писатель сумрачно взирал на пестрый поток туристов. Вся моя энергия тратилась на то, чтобы не упустить из поля зрения зонтик нашего гида, толпы туристов сшибались и перетекали друг в друга. Мы оказались в каком-то магазине, где пришлось дегустировать ликер «Лимончелло». Я терпеть не могу ликеров, но «Лимончелло» превзошел все ожидания. Попробуйте выпить стаканчик водки, настоящей на туалетном мыле. Прекрасное рвотное средство.

Свободное перед отплытием на Искью время я посвятил отдыху на скамейке. Рядом две пьяненькие немки, шелестя, как насекомые, перебирали купленные сувениры. В воздухе пахло ликером «Лимончелло», его не мог перебить даже дымок из печи симпатичного ресторанчика, где готовили пиццу.

Оказавшись, наконец, на судне, я первым делом отправился в бар и выпил две рюмки граппы.

— И как? — поинтересовался русобородый бармен, как позже выяснилось, москвич с Якиманки.

— Нормальный самогон. Но не первач.

— О-о, первач! — вспомнил родину бармен.

Какая-то польза от экскурсии все же была. Я спросил Таню, как попасть в каприйский Голубой грот.

— Сейчас это сложно. Летом в грот очередь, много катеров, лодок. Сейчас сентябрь, погода неустойчивая. Малейшее волнение, и в грот не попадешь, нужно ложиться на днище лодки, чтобы протиснуться в щель. Вы же, наверняка, снова побываете на Капри?

— Завтра же отправлюсь, что называется, утренней лошастью.

Таня улыбнулась.

— Тогда попробуйте договориться с рыбаками. Они лихие ребята, знают здешние места лучше заезжих гастролеров. От заработка не откажутся. Кризис. Да и по Капри спокойно побродите, не заблудитесь. По Капри нужно ходить медленно, не спеша. Бунинские места здесь повсюду. Иван Алексеевич и на Искье был, но каких-либо материалов о его пребывании там я не нашла.

И все у меня, как говорит нынешняя молодежь, срослось. И день был солнечным, тихим, часы наплыва туристов еще не наступили. Я быстро стоворился с рыбаком Марчелло, владельцем небольшого катера. Рыбак немного говорил по-английски.

— После грота мы еще порыбачим в лагуне. А в грот пойдешь с моим сыном Альберто. Он сейчас в рубке, — сказал Марчелло. На корме старенького катера вверх днищем лежала двухместная резиновая надувная лодка в серебристых искрах рыбьей чешуи.

— Сколько с меня?

— Тридцать евро с вином и рыбалкой. Рыбалка по желанию.

— Хорошо.

Через несколько минут катерок, постукивая дизелем, полз в тени отвесной скалы. За рулем стоял Альберто, семнадцатилетний загорелый красавец, а мы с Марчелло расположились на кормовой банке и пили кьянти, закусывая солеными креветками. Оба скверно говорили по-английски, общаясь в основном жестами. Сошлись на том, что Соединенные Штаты — дерьмо, санкции — дерьмо, Россия — хорошо, Италия — хорошо. Марчелло круто за сорок, он поджар, жилист, с мощной грудью, обтянутой белой футболкой с изображением Путина в солнцезащитных очках. Марчелло всю жизнь прожил в Анакапри, дальше Неаполя нигде не был, ловит рыбу, вывозит туристов в Голубой грот и на экзотическую рыбалку — это его заработок. В Анакапри у него дом, оставшийся еще от деда, сад с оливковыми деревьями, жена, старшая дочь на выданье. Скоро свадьба. Глаза рыбака светились от радости.

Отсюда, с моря, хорошо были видны седловина, в ней городок Капри, облепленные виллами скалы. Альберто вырубил движок, отдал носовой и кормовой якоря, вывалил за борт туго надутую резиновую лодку, подтянул ее к борту, чтобы мне было удобно в нее перебраться по свисающему с кормы трапу, ловко соскочил сам. Серо-зеленая скала, уходящая вверх, к небу, медленно приближалась, и уже видна была щель, обросшая бурными водорослями — вход в грот. Альберто жестом показал, чтобы я лег на спину, и, подрабатывая веслами, скользнул в щель, мокрая борода водорослей скользнула по моему лицу. Сводчатый грот был заполнен мерцающим светом — солнечные отблески водной ряби, вода имела

насыщенный голубой цвет; казалось, это и не морская вода вовсе, а некая упругая пленка. А что если она, в самом деле, отделяет мир нынешний от мира параллельного, и там, в глубине, сохранилось минувшее время? Где-то в самой глубине грота возник и тотчас погас звук, прокатившийся эхом под сводами, будто бы вскрикнула женщина — бунинская наядка. Я вздрогнул. Через несколько секунд звук повторился. Грот давил, хотелось как можно скорее выбраться из этой круговерти света и странных звуков. Я махнул Альберто, мол, давай назад. Мальчишка засмеялся и развернул лодку к узкой щели — выходу из грота.

От рыбалки я отказался, мы вернулись в порт, я простился с рыбаками как с родственниками, перекусил в пиццерии и отправился любимой дорогой Бунина к развалинам дворца императора Тиберия. Солнце, белые виллы, раскидистые пинии, треск цикад. Чем выше я поднимался, тем становилось прохладнее. Море соединилось с небом, и, казалось, остров парит в этом голубом пространстве. До остатков дворца Тиберия я так и не дошел, зануло сердце, и пришлось отсиживаться на прохладном камне. На камне, не обращая на меня внимания, грелись маленькие ящерицы.

Вниз я спускался медленно, отдыхая через каждые сто-двести метров. Ивану Алексеевичу в его первую зиму на Капри было чуть за сорок, мне много больше. Город уже наводнили туристы, их говорливые толпы растекались по улочкам, заполняя рестораны, лавки, бутики, и чудный древний город на глазах терял свое обаяние.

Отель «Сан Марко» на четыре звезды не тянет, максимум — три, а по отдельным позициям и две, даже по турецким меркам. Реклама отелю в Интернете — вранье. До пляжа тащиться минут сорок по жаре, причем приходится уворачиваться от лихих наездников скутеров, мотоциклов и грузовых мототележек; магазинчики и забегаловки только на площади внизу, где начинаются пляжи. Городские пляжи в этом муниципалитете отвратительны: вонь от контейнеров с мусором, бродячие собаки, грязное море, ни грибков, ни лежаков, ни туалетов, ни раздевалок. Вход на платные пляжи стоит двадцать пять евро. Не всякому по карману. Кормят в ресторане отелю скудно. Я пятый раз в Италии, могу сравнить. Конечно, экономический кризис, но не настолько же. Изменилось и отношение к русским. Я люблю итальянцев, шумный, говорливый и веселый народ. И очень доброжелательный. А тут неким холодком потянуло. Впрочем, может, только в отеле «Сан Марко».

Русских в отеле всего несколько человек, остальные — немцы. Видно, приезжают они сюда регулярно, знают друг друга, время проводят однообразно: с утра — термальные источники в «Саду Посейдона», остальное время — у бассейна с подогретой водой и в баре. В основном старики и старухи. Я тоже далеко не молод и потому живу с ощущением, что попал в дом престарелых.

По-видимому, из-за ярких впечатлений, связанных с поездкой на Капри, я стал плохо спать, меня мучили странные сны. То я оказывался в просторном дворце Тиберия: горящие факелы, римские воины в доспехах — охрана у спальни императора, сам император с лицом, изъеденным язвами, среди юных обнаженных наложников. А то вдруг видел воду Голубого грота, из которой, пуская пузыри, всплывали на поверхность какие-то мужчины во фраках и смокингах, они улыбались мне, махали паннами и канотье и вновь уходили в глубину. Сюжеты постоянно менялись. Днем я одиноко бродил по острову, либо садился в переполненный

автобус, отправлялся в Форио и до вечера сидел в кафе за столиком под полосатым тентом. Как-то решил съездить в «Сады Посейдона». От отеля по утрам в «Сады Посейдона» ходил автобус — очень удобно, не нужно тащиться по раскаленной пыльной дороге, рискуя быть сбитым каким-нибудь сумасшедшим мотоциклистом.

У входа в «Сад Посейдона» стояла вялая очередь. Я встал в конце, испытывая непонятное беспокойство, словно я забыл что-то важное и никак не мог вспомнить. Я уже подходил к окошку кассы, как меня озаорило: именно у входа в «Сад Посейдона» пришел в себя немецкий турист. Как же его звали? Курт Рейнер. Он исчез и отсутствовал шестнадцать лет. Меня обдало холодом. Когда я проходил турникет, на меня внимательно посмотрел охранник в униформе.

«Сады Посейдона», блестящее соединение дендропарка с термальным комплексом, расположены у подножия горы Эпомео. На всем чувствовалась рука талантливого дизайнера: диковинные вьющиеся растения, повсюду цветы, зеленые лужайки, бесчисленные бассейны, искусственное озеро с морской водой, ухоженные дорожки, и все это искусно вписано в пейзаж зеленого предгорья. К услугам посетителей благоустроенный пляж с грибками, удобными креслами, раздевалками. Гора Эпомео уже выглядела не загадочной, а скорее, домашней, даже уютной. И чудо ее заключалось в плодородной вулканической почве. Если у подножия произрастали оливковые и лимонные деревья, чуть выше — виноградники, то ближе к вершине островитяне собирали чернику и белые грибы.

Я побродил по парку, выкупался в море, пообедал в симпатичном ресторанчике. Термальные воды мне противопоказаны, и я решил не рисковать. Часа два отдыхал на скамейке в тени благоухающего дерева. Это был первый без эмоционального напряжения день отдыха, и только у выхода из парка меня кольнула мысль: а что если, в самом деле, у этих массивных ворот стоял перепуганный немецкий турист, пропадавший неизвестно где шестнадцать лет? И был ли он вообще? И весь вечер я спотыкался об эту мысль, с трудом прогоняя ее от себя.

3

Я проснулся часа в три утра. Стояла какая-то нехорошая тишина, ни звука, словно остров накрыли звуконепроницаемым колпаком. Сквозь отверстия в жалюзи в номер затекал голубоватый пульсирующий свет. На стене рядом с телевизором кружились разноцветные блики. Внезапно меня охватил ужас, тело одеревенело, словно на меня натянули холодную тяжелую кольчугу. На стене из мельтешения цветных пятен сложилась воронка, размеры ее все возрастали и возрастали. Я почувствовал, что воронка засасывает меня, ощутил ее ребристые края и потерял сознание...

...Стоял полный штиль, яркое солнце резало глаза, небо и море были голубыми, и только на северо-западе от Капри копились тучи, их тугие жгуты, соединяясь друг с другом, постоянно меняли форму. После сытной, мрачной Москвы южная Италия казалась раем небесным, и странно выглядели пассажиры в шубах и теплых пальто. Капитан парохода, грузный, с рачьими глазами, в расшитой золотом фуражке лихо опшвартовал судно у причала. Придерживая врачебный саквояж, я спустился по трапу на каменную стенку. Бой, загорелый мальчишка, с трудом тащил мой чемодан. Надраенная медь парохода, доставившего меня на Капри из

Неаполя, ярко отсвечивала. Пароход был сахарно-белым, и лишь труба нарушала гармонию: закопченная, в черных крапинках.

Я как бы был я, но одновременно и другой человек, одетый по моде начала двадцатого века. Мы были похожи как братья-близнецы, разве что борода клинышком и тщательно подстриженные усы вносили некий диссонанс. Но подобные превращения меня отнюдь не смущали: я доктор медицины, профессор Московского университета, только имя Юрий заменено на Георгий, что, впрочем, одно и то же, приехал на Капри поправить здоровье.

На площади перед пристанью стояли несколько экипажей, запряженных мулами. Рядом — симпатичные ослики под красными седлами. К пароходу торопливо шагал худощавый молодой человек в крылатке и широкополой шляпе, какие носили народники. Проходя мимо меня, молодой человек изумленно развел руками:

— Георгий Николаевич, профессор, никак вы?

Я не без труда узнал в молодом человеке Николая Пушечникова, двоюродного племянника Бунина.

— Я, Коленька, я! Коллеги обнаружили у меня подозрительные хрипы в легких и повелели позднюю осень и часть зимы провести на Капри. Древние говаривали: «Врач исцелись сам». Да вот не вышло.

— Где решили остановиться?

— Еду на авось. Думаю, в эту осеннюю пору свободный номер отыскать в отеле несложно.

— Лучший отель на Капри — «Квисисана». Там мы и остановились: Иван Алексеевич, его жена Вера Николаевна, ну и я, грешный. У нас три комнаты, считайте, отдельная квартира. Все окна на юг, и вид чудесный: внизу огромный сад, вдалеке клинышек моря. Номер на втором этаже, поэтому никакой сырости. В гостиной камин. В ресторане кормят хорошо. К тому же на Капри много ресторанчиков, вроде наших трактиров. Подождите немного, я сбегая на пароход, мои обязанности — доставлять почту: газеты, письма, бандероли из России. Иван Алексеевич ведет обширную переписку. Я мигом.

Пушечников махнул кучеру, похожему на карбонария: рослый, уса-тый, на голове красный платок, за пояс заткнут нож с широким лезвием, на высоких сапогах шпоры.

— Декоративный тип, не правда ли? Это они для приезжих так наряжаются, а народ мирный, легкий, веселый. Кучера зовут Антонио.

Кучер подвел пролетку, похлопал мула по крупу, тот оскалил зубы, фыркнул. Пушечников что-то сказал Антонио по-итальянски, тот глянул на меня и, улыбаясь, сказал:

— Буон джорно, профессоре.

— Буон джорно, Антонио.

До отеля добирались минут двадцать, колеса пролетки громко стучали по мощному камню мостовой. Олеандровые деревья цвели, в воздухе стоял их тревожный аромат. Цветов вообще было много: висели в горшках у окон, стояли в кадках на тротуарах. Белые одноэтажные и двухэтажные дома, между ними уютные лужайки. И зелень была яркая, пышная, несмотря на ноябрь. Все это я видел на подкрашенных акварелью старинных фотографиях, но где — вспомнить не мог. Кучер вел мула под уздцы, курил трубку, из нее вырывались клубы дыма, мул прядал ушами и отворачивал голову, украшенную вязаными красными шариками с бубенцами.

Николай рассказывал:

— Иван Алексеевич с утра до обеда работает. Беспокоить нельзя. Характер его вам известен. А уж после обеда — дальние прогулки. Я до обеда тоже тружусь, переключился на переводы. Астма лишила возможности делать артистическую карьеру, с литературными опытами тоже вышла незадача, вот дядюшка и посоветовал. Перевожу нынче для разных издательств Киплинга, Голсуорси, думаю заняться Тагором. Но тружусь без особого напряжения. Вы как добирались до Капри?

— Из Одессы пароходом до Неаполя.

— А у нас вышло целое путешествие: Берлин, Люцерн, Генуя, Флоренция, Неаполь...

Внезапно из-за поворота вышли три римских воина в доспехах с круглыми щитами и короткими мечами. Казалось, они возникли из воздуха. Самый рослый выхватил меч и указал нашему кучеру на нишу в скале. Антонио послушно кивнул и отвел коляску в нишу, уступая дорогу странной процессии. За воинами четыре мускулистых черных раба несли носилки, на которых лежал человек в красной с золотом одежде, лицо закрыто белым капюшоном. Далее, позвякивая оружием, маршировал полувзвод легионеров. Замыкал шествие барабанщик.

— Что это? — изумился я. — Снимают фильм?

— Нет, это не синематограф. Просто император Тиберий возвращается после прогулки в свой дворец.

— Император? Как?

— Ничего особенного. Здесь можно встретить многих известных людей, некогда побывавших на Капри. Видите, по теневой стороне улицы идут два господина: один — промышленник Крупп, другой — писатель Оскар Уайльд, их объединяет общая порочная страсть. Греховодники, прости меня Господи. А загляните в общественный сад! Там сейчас наверняка прогуливаются Генрих и Томас Манны, Альберто Моравиа, Иван Тургенев, Уинстон Черчилль. Да мало ли... Право слово, привыкнете. А вот и отель. Сейчас я поговорю с хозяином, попрошу, чтобы он разместил вас наилучшим образом.

Минут через пять из центрального входа выкатился владелец отеля, небольшого роста, с изрядным брюшком, в пестром жилете и сразу заголотил:

— О, профессор, профессор! Буон джорно, профессор!

— Не удивляйтесь, — шепнул Пушечников, — у дядюшки Лино страсть к титулам и званиям. Ивана Алексеевича он называет не иначе, как принчипе, что означает князь.

Лино похлопал в ладоши, и тотчас из отеля выскочил бой в красной каскетке, гусарской курточке и белых брюках с лампасами. Он подхватил мой чемодан и легко понес его по мраморным ступеням отеля. Лино, жестикулируя, что-то тараторил по-итальянски. Пушечников перевел:

— Дядюшка Лино спрашивает, важен ли вам вид на море? Осенью с Неаполитанского залива дуют сильные ветры, несущие влагу. Освободился номер с окнами на юг, много солнца, тепло. Номер неподалеку от нашего. Советую согласиться.

Я кивнул. Лино просиял и торопливо пошел по коридору вслед за боем, несущим мой чемодан.

— Георгий Николаевич, вы устраивайтесь, отдыхайте после дороги, я к дяде, сообщу о вашем прибытии, а к вечеру зайду за вами.

Номер мне понравился: просторный, светлый, обставленный изящ-

ной мебелью, справа от входа небольшой камин. На чайном столике — фрукты, фужеры, бутылка вина. Я подошел к окну, отбросил тяжелые портьеры, распахнул рамы, и сразу же пахнуло ароматом цветов, горьковатым запахом нагретых солнцем пиний. Внизу просторный сад, листья лимонных деревьев лаково блестели, ограду оплела бугенвиллея — ее белые и красные цветы напоминали взбитую пену.

Я распаковал чемодан, умылся в ванной комнате, сменил белье, приготовил жилет, визитку. В отеле стояла удивительная тишина, которую нарушил едва слышный шелест, я обернулся и увидел, как кто-то просунул под дверь небольшой лист бумаги, затем послышались легкие, удаляющиеся шаги. Я поднял листок, прочитал: «Милостивый государь Георгий Николаевич! Соблаговолите сегодня в пять часов пополудни быть у нас на традиционном московском чаепитии. Ив. Бунин».

У меня повлажнели глаза. Ах, Ваня, Ваня! До пятого класса елецкой гимназии мы сидели на одной парте. И все-то тянуло его на розыгрыши, различного рода мистификации, он ловко изображал мужиков на ярмарке, цыган, особенно ему удавались гимназические учителя и наставники. Иван настолько точно подражал их голосам, что нередко вызывал оторопь среди гимназистов. А в пятом классе покинул гимназию: у родителей не хватило средств на продолжение его обучения. Много раз потом пересекались наши пути. В селе Васильевском жила его двоюродная сестра, матушка Николая Пушечникова. Наша усадьба стояла в десяти верстах, и Иван, когда гостил у сестры, непременно заезжал навесить меня. После выхода из университета я приехал в Орел и поступил на службу в городскую больницу. Ваня работал репортером в «Орловском вестнике» и жил в доме на углу Рыночного переулкa. Виделись часто. А вот после Орла дорожки наши разошлись. Я переехал в Москву, защитил докторскую диссертацию, стал приват-доцентом, затем профессором, преподавал на медицинском факультете в университете. О Бунине я знал из газет, он колесил по стране, путешествовал, за ним не угнаться. И вот надо же!

Я прошелся по номеру, сел в кресло и внезапно уснул. Проснулся от стука в дверь. Коля Пушечников в визитке, накрахмаленном белье, с бутоньеркой на лацкане походил на жениха.

— Дорогой Георгий Николаевич, поторопитесь, нас ждут.

— Да-да! А я, знаешь ли, уснул в кресле. Сказалась дорога, да и морские путешествия я переношу плохо.

В коридоре стоял легкий запах духов. Пушечников распахнул дверь номера: за столом, накрытым к чаю, сидел Бунин с молодой женой. Увидев меня, Иван Алексеевич сделал страшное лицо и визгливо закричал:

— Извольте встать, господа! Порфирий, неси сюда розги! Да смочи их, болван!

Я обомлел, Бунин в точности передал голос нашего учителя латинского языка. Согнутый, тощий, с серым лицом и козлиной бородкой, он наводил ужас на гимназистов. Я как-то даже упал от страха в обморок. Розги тогда уже были отменены, но латинист мог предельно треснуть по голове линейкой. Возникла пауза. В тишине послышался голос Веры Николаевны:

— Ян, ты, должно быть, сошел с ума. Почему ты так кричишь?

Иван Алексеевич, не обратив внимания на ее слова, приблизился ко мне и ворчливо спросил:

— А известно ли вам, господа, какое прозвище было в гимназии у этого профессора медицины? — И хихикнув по-старушечьи, сообщил: — Ка-

лачик. Был он тогда кругленький, пухленький, розовощекий, и от него всегда пахло свежим калачом. Первый ученик. Очень стеснялся гимназисток. Краснел, когда говорили «про это», но тайком остро интересовался взаимоотношениями полов.

— Ян, ты невозможен!

Но Бунин уже изображал подвыпившего хохла: тот досадливо сопел, хлопал себя по бедрам, даже в шапку заглядывал, бормоча: «Хлопцы, идее-е же люлька?» Вера Николаевна улыбалась, а у Коли Пушечникова от смеха на глазах выступили слезы. И весь вечер был Иван Алексеевич в ударе, шутил, рассказывал смешные истории, даже крякал уткой. За минувшие годы он изрядно постарел, усох, лицо приобрело оливковый цвет, бороду и усы тронула седина. Жена была моложе его на одиннадцать лет и выглядела юной девушкой. Русская красавица, светловолосая, голубоглазая. Ее не портил даже несколько длинноватый нос. Как я потом убедился, в Вере Николаевне многое сохранилось от институтки — манеры, особенность речи. Была она широко, но как-то не ярко одарена, обладала литературными способностями.

Вскоре я уже немало знал о жене Бунина. Дворянка, из старинного московского рода Муромцевых, дядя — председатель первой Государственной Думы. Знала четыре языка. В 1906 году на литературном вечере на квартире молодого писателя Бориса Константиновича Зайцева познакомилась с Буниным. Иван Алексеевич сразу обратил внимание на «тихую барышню с леонардовскими глазами». Встречались тайно, родители были против брака с Буниным. Иван Алексеевич был небогат, малоизвестен — не пара. Жили в гражданском браке. Вера Николаевна занялась переводами. Переводила Флобера, Мопассана, Ламартина, Шенье, Теннисона...

Но все это было потом. А в тот вечер, вечер моего прибытия на Капри, мы после чаепития отправились на прогулку по тускло освещенным улицам городка, и шаги наши гулко звучали в сгущающейся тьме. Ужидали в ресторане нашего отеля, при свечах, пили много вина, под конец вечера Бунин помрачнел, сидел, глядя на пламя свечи. Я осторожно спросил:

— Что-то ты, Ваня, погас. Здоров ли?

— Здоров. Как-то Антон Павлович, осматривая меня, сказал: «Экий вы здоровый человечиче. Сухой, жилистый, настоящий степняк, скиф с литовской примесью». Здоров, слава Богу. Но как вспомню, что мне придется читать у Горького новый рассказ, на душе скверно делается.словно сироту собираюсь убить. Трещина прошла по нашей дружбе с Алексеем Максимовичем. Я бы определил наши теперешние отношения как холодно-любезные и тяжело-дружеские. Ходить к нему нынче сложно: выбивает из интимной, тихой жизни, отвлекает от работы. Сидишь, мучаешься, что совершенно не о чем говорить, а ведь говорить приходится, имитировать дружбу, а дружбы-то и нет. Иногда мы с ним на Капри так сухо и фальшиво не общались, как теперь. И ведь не знаю, что делать.

В номер я вернулся за полночь, меня познабливало, утром усилился кашель. От ночных прогулок пришлось отказаться.

И потекли дни на Капри. Яркие солнечные дни перемежались обвальными дождями, тишина взрывалась штормовыми ветрами, когда в трубе камина испуганно выл домовый и казалось, что остров вот-вот сорвется с прикола и его понесет в сторону Африки. Бунин и Пушечников трудились

в своих комнатах, а мы с Верой Николаевной частенько беседовали в гостиной. Потрескивали дрова в камине. За окном гудел дождь, сорванные ветром листья налипали на оконные стекла.

— Первый раз на Капри мы побывали в марте тысяча девятьсот девятого года. Отель «Виктория» в Неаполе нам не понравился. Хотели остановиться в Сорренто, но Ян вообще не любит каких-либо планов. Недолго думая, сели на пароход и отправились на Капри, — рассказывала Вера Николаевна. — Высадившись на остров, мы занесли чемоданы в ближайший отель, позавтракали, пошли пешком в город и по дороге встретили падчерицу Горького Катю Желябуженскую, от нее узнали, что Горький и Андреева в этот день уезжают в Неаполь. И едва ли не силой потащила нас на виллу «Спинола», что стоит на склоне у Большой бухты. Горький даже прослезился от радости и всячески опекал нас, посоветовал до их возвращения из Неаполя поселиться в отеле «Поганно» на улице Витторио Эммануэле. Через несколько дней Горький и Андреева вернулись вместе с Луначарским, они были увлечены идеей создания на Капри школы для рабочих-большевиков. В те дни мы почти ежедневно бывали у Алексея Максимовича. С утра нарочный приносил записку с приглашением на завтрак. Потом шли гулять. После прогулки нас не отпускали, оставляли обедать. Атмосфера за столом царила приятная. Ночами мы гуляли с Яном по горным дорогам. Ян был блестящ, остроумен, постоянно импровизировал, изображал Горького и Луначарского в лицах. Создание на Капри школы для рабочих-большевиков он считал пустой затеей. И не скрывал этого. Думаю, что это одна из причин охлаждения Яна к Горькому...

Через две недели я чувствовал себя значительно лучше. Длительные прогулки по острову, свежий воздух, здоровая еда, прекрасное каприйское вино сделали свое дело. Бунин заканчивал знаменитую повесть «Суходол», параллельно писал рассказы. Писал он быстро, правил, переписывал набело и с пароходом отправлял в Москву. Пушечников ежедневно ходил на пристань, приносил русские газеты. Бунина и хвалили, и ругали. Особенно усердствовали черносотенные газеты; рецензенты считали, что изображение писателем русской деревни не более чем «опачкивание народа, поэзия дурных запахов, миллионы блох и вшей, портянки и портянки». Иван Алексеевич только зло усмехался. Приближался ноябрь, 1912 год.

В канун Нового года нарочный принес от Горького записку. Алексей Максимович напомнил, что Бунин обещал прочесть один из своих новых рассказов. Горького я знал по Москве, был он и моим пациентом, поэтому относился ко мне с повышенным вниманием и теплотой. День выдался скверный, хлестал дождь. Пришлось брать пролетку с поднятым верхом. Ветер гудел в саду.

— Разгулялся сирокко, — весело сказал Пушечников. Бунин хмуро покосился на него.

А на горьковской вилле «Серафима» было тепло, сухо, пахло свежими булочками. Публика собралась в огромном кабинете Горького. Ярко полыхал камин. Подали самовар, окна тотчас запотели от пара. Повар с помощником накрывали у камина чайный стол.

— Рассаживайтесь, господа, — глухо сказал Горький, пододвигая любимое кресло к камину. Плед на плечах делал Алексея Максимовича еще шире, крупнее, и Бунин рядом с ним выглядел усохшим, маленьким. Он занял место за письменным столом, вытер рот платком, откашлялся и

начал читать только что завершённый рассказ «Веселый двор». Читал он на этот раз сдержанно, без артистизма, оттого текст звучал мрачно, а сценами и страшно. Голодная старуха бредет к сыну, пьянице и бездельнику, жара, видения, разъяренный бык, распоровший старухе живот; сын, пляшущий на могиле матери... У Горького выкатилась слеза, скользнула по скуле и запуталась в усах. Слушатели сидели подавленные, а тут еще сирокко, окончательно распоясавшись, пытался выдавить оконные стекла. Пламя свечей на чайном столе трепетало.

— Превосходный рассказ, талантливый, — сказал Горький, зябко потирая руки. — Однако же, дорогой Иван Алексеевич, пишете вы о гибельных местах. Россия не вся такая. Я ее пешком исходил, знаю. Есть и светлые деревни, достаточные.

Назад ехали молча. Ветер поутих, в промоинах между тучами остро блестели звезды. Из садов тянуло запахами мокрой земли, и этот запах перебивал другие запахи декабрьской ночи. На следующий день встали поздно. Снова шел дождь. Собрались у камина ближе к обеду. Бунин расхаживал по гостиной и раздраженно говорил:

— Горький полагает, что касаться матерей, души русского народа — это его специальность, он даже Гоголя постоянно толчет с дерьмом за «Мертвые души», — писал Гоголь Ноздревых и Собакевичей, а Киреевского, Хомякова, Бакунина проглядел.

В январе Бунин много работал, потом захотел встряхнуться, поехать в Неаполь. Вера Николаевна ехать не хотела: море беспокойное, да и что делать в Неаполе? Но послушаться не решилась.

За эти месяцы я близко сошелся с Пушечниковым. Знал я его еще ребенком, потом юношей, потом студентом. Был он прекрасно образован, начитан, с ним было интересно беседовать. Николай закончил переводить роман Голсуорси, освободился, и мы после завтрака отправлялись бродить по острову. Погода установилась теплая, временами задувал сирокко, но быстро гас.

Как-то Пушечников выбрал особый маршрут — пройти Тибериевой дорогой, пробитой по вершинам скал до дворца императора. Подъем тяжелый: сначала мы шли по крутому плоскогорью среди ферм и виноградников, далее — по выбитым в скалах ступенькам, по которым рабы носили на носилках Тиберия. Шли долго, пока не показался дворец, построенный на скалистом утесе, — внизу бездна. Пройти к дворцу не удалось, дорогу преградили римские воины.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — с досадой сказал Николай. — Теперь я понимаю, почему местные сюда никогда не ходят. Давайте искать обычную дорогу, по ней и спустимся. У меня спина взмокла. Вы как, профессор?

— Еле иду, в глазах мушки кружатся. Видать, давление подскочило.

— Тогда сделаем привал. Вон под той пинией. Идти вниз легче, но опасней. Здесь случается камнепад.

Со стороны дворца послышался протяжный вопль, затем другой, еще сильней.

— Спаси и помилуй, Господи! Что это означает?

Пушечников пожал плечами:

— Поговаривают, что Тиберий приносит богам человеческие жертвы. Вообще, страшный человек. Господь наказал его за жестокость, лицо и тело у Тиберия покрылись язвами, никакие бальзамы не помогают, одно спасение — термальные воды. В рассказе Ивана Алексеевича «Остров сирен» есть

характеристика Тиберия. При этом Бунин ссылается на Светония. Был Тиберий в молодости красив, прекрасно сложен, силы необыкновенной: щелчком пробивал череп взрослого человека. А как заболел, по совету звездочетов покинул Рим и переселился на Капри. Остров неприступен, высадиться на него трудно; тех, кому это удавалось, убивала стража. К тому же цезарь с горы, на которой стоял дворец, обозревал не только остров, но и видел все проходящие корабли. Светоний писал, цитирую по памяти: «Был он весьма стар в ту пору, а в уединении, в свободе своего великого разврата и злодейства и в неприступности надежной нуждался». Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Незадолго до смерти Тиберий отправился в Рим, по дороге заболел, решил вернуться на Капри, но во время трапезы потерял сознание. С него сняли все символы власти и передали Калигуле. Но Тиберий внезапно открыл глаза, и тогда Макрон задушил его. Ну, давайте пойдём, а то до вечера не спустимся в Капри.

Во время очередного привала Пушечников, жмурясь от солнца, сказал:

— У Ивана Алексеевича есть стихотворение «Капри», вот послушайте:

Проносились над островом
Зимние шквалы и бури
То во мгле и дожде,
То в сиянии яркой лазури,
И качались, качались цветы
За стеклом, за окном мастерской,
в красных глиняных вазах, —
От дождя на стекле загорались
Рубины в алмазах,
И свежее цветы расцветали
на лоне морском...

— Далее не помню, стихотворение большое.

— Прекрасно, прекрасно. Когда же он успел написать стихотворение? Небось, недавно?

— Он его еще не написал, напишет на днях.

Через час мы стояли на смотровой площадке, огражденной грубо коваными перилами. Недавно прошел короткий дождь, перила были влажны. Ветер снес тучи к югу, сизая дымка истаяла на солнце и отсюда, с высоты, хорошо был виден Неаполь, а море вновь приняло цвет разбавленного купороса. Где-то рядом птица издавала однообразные звуки, словно разучивала гаммы. Николай Пушечников снял шляпу и задумчиво сказал:

— Знаете, когда я умру?

— Разве это можно знать?

— Можно. В этом мире многое можно. Я умру в 1939 году. Урну с моим прахом замуруют в стене колумбария старой части Новодевичьего кладбища, три метра наискосок от могилы Николая Васильевича Гоголя.

Забегая вперед, скажу, когда мои перемещения во времени благополучно завершились, я вернулся в Москву и первым делом сходил на Новодевичье кладбище. День был сумрачный, осенний, отовсюду капало, желтые листья налипли на надгробия. На старой территории неподалеку от могилы Гоголя я довольно быстро нашел мраморную плиту в колумбарии. С фотографии на меня взирал пожилой человек с обрюзгшим лицом, в академической шапочке, внизу под фотографией выбито: «Пушечников Николай Алексеевич, 1882–1939 гг.» Секция 72.

Бунин с Муромцевой вернулись через две недели, бодрые, посвежевшие, до Капри добирались из Сорренто, кроме Неаполя успев посетить Поцциоло, Помпеи. А 13 февраля на Капри неожиданно нагрянул Шалапин с женой. Федор Иванович гастролировал в Монте-Карло, съездил в Канны навестить своего приятеля, известного промышленника-миллионера Михаила Ивановича Терещенко. Михаил Иванович пригласил Шалапина прокатиться на своей яхте по Средиземному морю. Шалапин спросил: «Слушай, Миша, а давай махнем на Капри, у меня там друзья: Бунин, Горький». Терещенко развел руками:

— Извини, я не могу. Есть серьезная причина. В Московском университете, где я приватно преподаю на кафедре римского и гражданского права, грядет смута. Идут нападки на ректора и проректора, дошло до министра просвещения Кассо. Взгляды его тебе известны. Лев Аристович собирается их уволить. Мне срочно нужно в Москву, а ты отправляйся на Капри. Яхта в твоём распоряжении.

Шалапин остановился на вилле Горького «Серафима». Алексей Максимович тотчас послал Бунину записку с просьбой прибыть срочно «всей артелью». Пришлось идти и мне, хотя с Федором Ивановичем я лично знаком не был, видел его только на сцене Большого театра. И понеслось. Энергии Шалапина можно только поражаться. Завтрак у Горького, обед у Бунина, поездка в горы на мулах, Анакапри, вечерние концерты. И всегда рядом с великим певцом была его жена, балерина Иола Игнатьевна Торнаги, она начала полнеть, но полнота ее не портила. Мягкая, улыбающаяся женщина. А вот Федор Иванович был с ней холодноват, иногда резок. У Иолы Игнатьевны лишь вздрагивал подбородок, она глядела на Федора Ивановича влюбленными глазами, смотрела как на божество, которому все дозволено. Николай Пушечников рассказывал, что в 1896 году итальянскую балерину пригласил в свой театр известный меценат Савва Иванович Мамонтов, там Иола Торнаги и встретила с Шалапиным, осталась в России, вышла замуж за тогда еще малоизвестного певца.

Как-то Николай с горечью сказал:

— Трудно быть женой великого певца, как, впрочем, и женой великого писателя. Жертвенность, самоотречение, терпение, — вот лишь некоторые качества, какими должна обладать такая женщина. Судьба у Иолы Игнатьевны сродни судьбе Веры Николаевны. Но есть и разница. Иван Алексеевич может быть резок с женой, порой даже груб, но он никогда, до гробовой доски не оставит ее, она — часть его. А Шалапин — богема, вихрь, ветер, да и внутренней культуры, как у Бунина, у него нет, самородок из народа. Иола Игнатьевна пытается его удержать. В позапрошлом году купила у вдовы купца Баженова уютный особнячок на Новинском бульваре. В начале девятнадцатого века жил в нем московский губернский прокурор Жихарев, известный в ту пору литератор и приятель Пушкина. Александр Сергеевич частенько в том особнячке бывал, случалось, и ночевал. Особнячок отремонтировали, и стал он местом паломничества московской интеллигенции. Федор Иванович — человек широкий, хлебосольный, вечера его пользуются большой популярностью. Только ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

— Как так?

— Оставит Шалапин жену. А у них шестеро детей. Иола Игнатьевна приросла к Москве, и какие бури ни пронеслись бы над Россией, не покинет страну, останется со старшей дочерью в особнячке, в крохотной комнатухе, сохранит архив великого певца. А потом много лет спустя в особнячке откроется музей Шалапина.

Все-то знал этот удивительный человек — от даты своей смерти до такой вот удивительной истории, которая еще не случилась, но непременно случится. Дневники Пушкинкова, дошедшие до нынешних времен, откроют много нового в понимании личности Ивана Алексеевича Бунина.

В один из последних вечеров на Капри Шаляпин дал прощальный концерт. На этот раз он познакомил собравшуюся публику с оперой Мусоргского «Хованщина», превосходно исполнил не только партию Досифея, но и все остальные, включая даже женские. Вечер имел шумный успех. Шаляпина с женой провожала на пристань большая толпа, были в ней не только русские колонисты, но и иностранцы, оказавшиеся в ту пору на Капри.

Вечером сидели в гостиной, за окном шуршал дождь, постреливали дрова в камине. Было тихо, разговор не клеился. Иван Алексеевич встал, подошел к окну и сказал:

— Экое все же чудо — Федор, чудо первобытное, стихийное. А техника! Очень прибавил, но стал покрываться бронзой. Памятник. Манеры европейские, лоск европейский, а приглядишься — мужик, и мужик нашенский. — Повернулся к сидящим за столом и, усмехнувшись, добавил:

— Да, о памятнике. Мне памятник поставят в Орле, на Левашовской горе. Стою я на постаменте и гляжу в зеленую даль родной Орловской губернии. Скульптор талантливый — Клыков. Только он меня как-то возвысил. И стройный я, и высокий... При моем-то росте. М-да-а... А приятно. Москва нескоро на памятник расщедрится. Первопрестольную обротали два каменных истукана: Маяковский и Горький. Представьте, как эти громилы, обнявшись, прогуливаются по Тверскому бульвару, расталкивая прохожих. А я с Маяковским был знаком, правда, шапочно. В году восемнадцатом, на каком-то вечере с банкетом Маяковский подсел ко мне и стал есть из моей тарелки, затем раззявил пасть и спрашивает: «Вы меня очень ненавидите?» А я ему: «Слишком много чести. Ешьте, ешьте. Вам, видно, места за столом не хватило». А ведь небесталанен, но как-то шиворот-навыворот. — Иван Алексеевич привстав, загремел, подражая Маяковскому: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?» Сыграл, как же. Запутался с бабами и застрелился из дамского браунинга. Пóшло, господа. И еще... Совдеповская власть поставит на бывшем Пречистенском бульваре памятник Гоголю — точь-в-точь кремлевский чиновник или налоговый инспектор, не хватает только парусиновое картуза и портфеля. А подлинный памятник работы скульптора Андреева спрячут в садике особняка, где Гоголь скончался.

И весь вечер Бунин был раздражен, желчен, громил советскую власть.

— Мое отношение к Ленину известно: политический авантюрист, душегуб, но в одном я с ним все же согласен: русская либеральная интеллигенция — говно!

Вера Николаевна вспыхнула:

— Ян, опомнись! К чему этот дурно пахнущий натурализм?

— Вера, я только процитировал вождя мирового пролетариата.

Я очнулся от холода, познабливало от ночной свежести. Я сидел на перевернутой лодке, рядом всплескивало море, невидимое в темноте. Слева тяжелой тучей нависала гора Эпоемо, рассеченная пунктиром огоньков, маяк изредка вспыхивал, пуская луч прожектора. Как я попал на

дикий пляж, где разок выкупался несколько дней назад — черт его знает. Перед ужином я, как всегда, выпил две рюмки граппы. В номере стояла бутылка «Лимончелло», которую я вез в Москву в подарок приятелю. Неужто добавил? У этого ликера крепость как у водки. Но зачем меня ночью понесло на пляж? Я стал лунатиком, и на меня подействовало полнолуние? Я задрал голову: луна напоминала проржавевший эмалированный таз. Небо на востоке стало розоветь, апельсиновый свет растекался по морю. Резко запахло выброшенными накато́м водорослями. На мне были белые испачканные джинсы, белая рубашка, белые мокасины — в таком прикиде я отправился на ужин и, помнится, вернулся в номер, дальше — провал. В заднем кармане джинсов я нащупал ключ от номера, взглянул на часы — половина четвертого. Отряхнул брюки и пошел к отелю.

Быстро светало. Окна магазинов и ресторанчиков были темны, будто подернулись серой пленкой, с треском проехал на грузовом мопеде африканец в клетчатых шортах, в небольшом кузове тускло отсвечивали крупные лимоны. Если двери в корпус отеля закрыты, подремлю в шезлонге у бассейна. Вдруг я осознал, что не могу вспомнить своего имени, в голове всплыло — Георгий Николаевич. Но кто это? Я? Какой вздор. От испуга почувствовал, как по спине скользнула холодная струйка пота.

Дверь в корпус отеля, к счастью, была не закрыта, я поднялся на лифте на четвертый этаж, открыл дверь в свой номер. Стало совсем светло, на прикроватной тумбочке лежал лист бумаги. Я трижды перечитал текст: «Информация об отъезде. Отель Сан Марко. Уважаемый господин... Дата и время отъезда — 13.9. 7.05. Будьте готовы с Вашим багажом у главной дороги в отель в вышеуказанное время, где вы встретитесь с водителем. Паром: Medmar в 08 утра, порт — Ischia-Pozzvolli». Значит, послезавтра, в 7.05 утра отходит автобус, далее паром, Неаполь, аэропорт. Какая-то ошибка! Мне еще жить в отеле пять дней. Кстати, какое сегодня число? Взял мобильник, открыл календарь, у меня даже в голове помутилось: все совпадало, и срок проживания, и дата отъезда. Куда же делись пять дней? Может, я схожу с ума?

Тишину разорвал колокольный звон мобильника. Звонила жена: «Ты куда пропал?» — резко спросила она. — Я тут места себе не нахожу. Звоню в отель, отвечают: его нет четыре или пять дней. Как понимать? Загулял?» — «Прости, дорогая, все это время я был на Капри. Мобильник разбил, покупать новый за евро — дорого. А другими системами связи я пользоваться не умею, ты же знаешь, я технический кретин». — «Ты действительно кретин, и не только технический. По какому же телефону ты сейчас говоришь?» — «Сим-карта сохранилась. Вчера нашел в ларьке дешевую «нокию», такую же, как была у меня, сразу позвонил — твой телефон не отвечал. Здесь особая зона, мобильная связь плохо работает». — «Совсем заврался. Ладно, дома тебя ждет разборка».

В самолете ко мне стала возвращаться память: Бунин, Горький, Пущечников, отель «Квисисана», просторная комната с камином и окнами в мокрый сад, ветер и солнце, словно и не февраль на дворе... Сон, конечно, сон. Видно, я настолько вошел в материал, что принял сон за реальные события. С другой стороны, не мог же я проспять пять дней? Смущала и записка, что я нашел в кармане рубашки. «Милостивый государь Георгий Николаевич! — значилось в ней. — Соблаговолите сегодня в пять часов пополудни быть у нас на традиционном московском чаепитии. Ив. Бунин»...